

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
СЕКЦИЯ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ РАН

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

№ 30

Издается с 1993 г.

МОСКВА
2012

Александр Николаевич Николюкин
Литературоведческий
журнал №30
Серия «Литературоведческий
журнал», книга 30

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10215360

*Литературоведческий журнал № 30 2012: ИНИОН РАН; Москва; 2012
ISBN 2012-30*

Аннотация

В журнале публикуются научные статьи по истории отечественной и зарубежной литературы, по теории литературы, а также хроника литературной жизни и библиография по литературоведению.

Рукописи представляются в редакцию в печатном и электронном виде.

К тексту статьи прилагаются: краткая аннотация на русском и английском языках и список ключевых слов, а также справка об авторе с указанием ученой степени, должности, места работы и контактной информации. Публикуемые рукописи рецензируются. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Содержание

А.А. ФЕТ: НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ	4
ИЗУЧЕНИЕ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ФЕТА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	4
О МЕСТЕ ФЕТА В ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ И О ЕГО НОВОМ СОБРАНИИ СОЧИНЕНИЙ	25
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Александр Николюкин **Литературоведческий** **журнал №30**

А.А. ФЕТ: НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

ИЗУЧЕНИЕ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ФЕТА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В. Шеншина

Аннотация

В статье утверждается понимание Фета как глубоко религиозного православного русского поэта; исследование строится на обширном материале, в том числе на документальных источниках.

Ключевые слова: биография, личность поэта, христиан-

ство, православие.

Shenshina V. Fet studies nowadays

Summary. The paper deals with the interpretation of Fet as a poet directly engaged in Russian Orthodox Church; it is based on the voluminous documents.

Материалы, посвященные жизни и творчеству Фета-Шеншина (1820–1892), опубликованные за последние 15 лет, дают возможность по-новому взглянуть как на его биографию (Дармштадтские документы), так и на творчество, его уникальную эстетическую позицию в период активной деятельности шестидесятников, а также во время создания «Вечерних огней». Фетовские новаторские лирические и технические приемы, с одной стороны, и его преданность классической поэзии, предпочтение эстетической гармонии – с другой, дают возможность определить Фета как постромантика и предсимволиста, соединившего «золотой век» с Серебряным. Произведения поэтов-символистов Вл. Соловьёва, К. Бальмонта, В. Брюсова и А. Блока обнаруживают параллели с поэтикой Фета на многих уровнях – эстетическом, музыкальном, на уровне технического мастерства, а также в некоторой степени и на философском [1]. Благодаря признанию символистами (не только Брюсовым, но и Блоком) Фета как одного из представителей метафизического, онтологического направления в поэзии, возникло понимание его вклада в развитие русской метафизической поэзии со стороны таких известных литературоведов, как Д.С. Мирский и Д. Дарский.

Исследователи творчества Фета Б.Я. Бухштаб и Ю.М. Лотман упорно причисляли его поэзию ко всем школам XIX столетия, за исключением метафизической. Его называют продолжателем традиции классицизма (антологическая поэзия), романтизма, реализма, первым представителем импрессионизма, имажинизма, «искусства для искусства». Но ни одно из этих направлений не может охватить все творчество Фета. Он был самобытным поэтом, создал свой собственный свод внутренних законов, разработал уникальный метод стихосложения и поэтический стиль. Его поэзия многогранна. То, что мы видим в ней, зависит от нашего угла зрения, хотя различные подходы не исключают друг друга. Все они говорят о существовании в художественном мире Фета независимой поэтической вселенной, управляемой красотой и гармонией. Впрочем, в чем-то Фет действительно обогнал свое время, так как только теперь мы в состоянии понять и эстетику, и метафизику его поэзии. В предисловии к посмертному изданию Собрания стихотворений Фета в трех томах Б.В. Никольский пишет: «Потомство начнет с того, что долго было тайною не только для современников, но и для самого автора; начнет с ключа, а не с запертой двери, начнет с картины, а не с наброска углем на холсте... Фет... до такой степени поэт будущего, что с полным правом мог бы во главе своих стихотворений поставить знаменитые слова Шопенгауэра: через головы современников передаю мой труд грядущим поколениям» [2].

Фет рассматривается и как эрудированный переводчик, как трудолюбивый хозяин усадеб Степановки и в конце жизни – Воробьевки, земледелец и обновленец сельского хозяйства в пореформенной России [3]. Выходят новые материалы [4], особенно переписка Фета с современниками, с ведущими поэтами и писателями и литературными критиками [5]. Константин Леонтьев в письме к И.И. Фуделю от 14 марта 1889 г. (Оптина Пустынь) пишет: «Достоинство, с которым всегда держал себя Фет, вопреки грубейшей к нему несправедливости критики и дурацкой публики нашей, значительно зависело от того, что он сперва был лихим уланом и кирасиром (и от души), а потом серьезным хозяином, помещиком и мировым судьей, а не был только писателем» [6]. К этому можно еще и прибавить его воспитание и происхождение, которое удивительным образом соединило две разные культуры – немецкую и русскую православную – и таким образом дали возможность поэту создать его уникальную лирику. В интеллектуальном и философском смысле Фет несомненно ПОЭТ-МЫСЛИТЕЛЬ.

Биография Фета

Афанасий Афанасьевич Фет-Шеншин родился 23 ноября (5 декабря по новому стилю) 1820 г. в России в Мценском уезде Орловской губернии, в поместье своего отца – Новоселки. Он был первенцем русского дворянина Афана-

сия Неофитовича Шеншина и его жены Шарлотты, дочери Карла Беккера и Кристин фон Гагерн [7]. Отец Шарлотты служил военным комиссаром при великом князе Гессена. Двумя годами позже Афанасий Неофитович обратился в Духовную консисторию г. Орла с просьбой о разрешении на брак с Шарлоттой Фет (Беккер) по русскому православному обряду. Просьбу удовлетворили, но Шарлотта Фет должна была перейти из лютеранской в греко-русскую православную веру, о чем свидетельствует письмо консистории за № 2545. Официальное бракосочетание Афанасия Неофитовича и Шарлотты Фет (Беккер) (в России – Елизавета Петровна) в Русской православной церкви состоялось 4 сентября 1822 г.

Однако все эти события стали причиной настоящей трагедии в жизни поэта. В 1835 г., когда Фету исполнилось 14 лет, Духовная консистория г. Орла отказала ему в праве носить фамилию Шеншин. Тем самым он терял звание дворянина и становился разночинцем. В это время Фет учился в частном немецком пансионе в Верро в Эстляндии.

Решение Духовной консистории никак не повлияло на отношения Фета с отцом, они лишь были вынуждены подчиниться официальным предписаниям. Афанасий Неофитович в своей строгой манере продолжал заботиться о сыне так же, как и до упомянутого заявления. И то, что он дал ему свое имя «Афанасий», – лучшее свидетельство привязанности, которую он чувствовал к своему первенцу.

Дармштадтские документы были впервые опубликованы в 2003 г. [8] в Москве и затем в 2004 г. в Курске [9]. В автобиографии «Ранние годы моей жизни» Афанасий Фет-Шеншин подробно рассказывает о родственниках своей матери Шарлотты (урожденной Беккер). Он описывает встречу со своим дядей Эрнстом, братом Шарлотты, приехавшим в Россию в качестве адъютанта принца Александра Гессенского. Он рассказывает и о своей поездке в Дармштадт и о встрече со своими родными, о жизни Эрнста и Карла Беккеров в Германии, как и о сводной сестре Лине Фет [10]. Из немецких дальних родственников особенно Лина стала ему близкой. Письма Лины к Фету показывают и их духовное родство, и глубокое взаимопонимание [11].

Следует отметить, что жизнь Фета-Шеншина была сложной. Она была полна препятствий, случайностей, неожиданных поворотов, с которыми биографы неоднократно сталкивались и по сей день сталкиваются [12]. Роль биографов, а особенно Н.Н. Черногубова, оказалась роковой относительно наследия Фета-Шеншина. Исчезло большое количество писем, документов, фотографий и портретов. У исследователей жизни и творчества Афанасия Фета сложились разные мнения как о его происхождении, так и о его творчестве. Остаиваются «ярлыки» прошлого века, говорящие об «атеизме» Фета, но утверждаются и новые взгляды.

Дармштадтские документы, несомненно, раскрывающие многие факты, помогут восстановить правду, в частности,

относительно вероисповедания матери поэта и ее родственников: из архивных источников следует, что все они были лютеранского вероисповедания.

О содержании Дармштадтских документов упоминает В.В. Кожин в предисловии к книге «А.А. Фет. Стихотворения» [13]. Документы были вручены ему профессором Геттингенского университета Рейнхардом Лауером. В книге цитируются важнейшие факты из этих документов: дата побега 1 октября 1820 г. и упоминается о 10 000 гульденов, которые Афанасий Неофитович оставил Карлу Беккеру, отцу своей будущей жены, для обеспечения ее дочери от первого брака, Лины Фет. Об этих Дармштадтских документах упоминает и Р.М. Алексина [14]. На Дармштадтские документы особое внимание обратил еще Г.П. Блок. О его неудачных попытках ознакомиться с Дармштадтскими документами подробно написала Е.М. Аксененко [15].

Позднее В.В. Кожин пользуется уже большим архивным материалом – Дармштадтскими документами, перепиской Афанасия Неофитовича и Шарлотты с ее братом Э. Беккером, а также перепиской А.А. Фета со своей невестой М.П. Боткиной [16].

В.В. Кожин комментирует следующим образом переписку А.Н. Шеншина и Шарлотты с Э. Беккером: «Дело в том, что просьбы о признании отцовства Иоганна Фета (которое тот неизменно отрицал и даже на смертном одре утверждал, что Афанасий – сын Шеншина) появляются в письмах

Афанасия Неофитовича и Шарлотты к брату последней Эрнсту Беккеру весьма поздно – когда Афанасию было уже около пяти лет» [17]. Далее он объясняет причину этих просьб: А.Н. Шеншин как раз в это время был официально осужден за незаконный брак. В связи с этим родители Афанасия Фета-Шеншина были поставлены юридически в крайне сложное положение. Единственным выходом из сложившейся ситуации мать Афанасия Афанасьевича считала дать сыну фамилию своего первого мужа Иоганна Петера Фета.

Позже, в зрелом возрасте, Афанасий Афанасьевич пытался вернуть фамилию Шеншин, но ему долго отказывали в праве носить фамилию отца. Это глубоко его ранило, но он при этом проявил невероятное упорство, пытаясь вернуть себе имя и положение в русском обществе, проведя 12 лет на службе, чтобы вновь получить звание дворянина. Его стремление считать себя русским углублялось тем, что ему приходилось жить в соответствии с правилами и порядками, установленными властями, притворяясь, что он не является сыном Аф. Неофитовича Шеншина. Он так поступал и потому, что не хотел бросать тень на свою мать. Фет официально числился иностранцем и получил русское подданство, когда ему было 25 лет.

После многих лет Дармштадтские документы стали доступными всем [18]. В.В. Кожин любезно передал мне копии этих документов, с которыми я ознакомилась в оригинале в мае 2002 г. в Дармштадте. Текст копии Дармштадтских

документов было крайне сложно читать. Точная дата побега выяснилась, как и ряд других вопросов, при ознакомлении с оригиналом в Дармштадтском архиве при помощи специалиста по древнему немецкому шрифту доктора Райнера Массаса. С точки зрения биографии Фета крайне важен документ «Завещание, подписано ассессором Фетом и свидетелями Винером и Вольфом 12 октября 1825 г.». Из документа явствует, что И.П. Фет не считал Афанасия Афанасьевича Шеншина своим сыном и потому не включил его в свое завещание. И.П. Фет скончался 1 ноября 1825 г.

Приложение II к моей книге «А.А. Фет-Шеншин. Поэтическое мировоззрение» состоит из следующих документов:

Последняя воля Иоганна Петера Фета. Дармштадт, 25 октября 1825 г.

Письмо Иоганна Петера Фета великому герцогу от 17 июля 1825 г.

Свидетельство о браке Иоганна Петера Фета и Шарлотты Елизаветы Беккер от 18 мая 1818 г. Дармштадт.

Данные Карла Беккера и его детей.

Данные Иоганна Петера Фета и его двух жен Шарлотты Беккер и Луизы Цан, а также дочери Лины.

Рассмотрим означенные документы по порядку.

1. «Последняя воля ассессора городского суда, господина Иоганна Петера Фета» касается главным образом определения опекунов его дочери Лины и распределения ее имущества. В качестве главных и равных наследников своего иму-

щества он определил свою дочь Лину и вторую супругу Луизу, которая являлась воспитательницей Лины. В опекуны своей дочери он назначил мастера по изготовлению музыкальных инструментов господина Кюхлера и торговца господина Цана. Его вторая жена Луиза была урожденная Цан. И.П. Фет заявил: «Из опекунов моей дочери Лины я, в силу предоставленных мне юридических прав, после долгих размышлений раз навсегда исключаю ее деда с материнской стороны господина военного комиссара Беккера, а также всю его семью, равно как и моих родителей». Из документа становится ясно, что родители И.П. Фета, отец Иоганн и мать Сибилла Милленс, проживали в Кёльне [19]. Здесь следует отметить, что опекуном Лины Карл Беккер назначил лейб-медика Георга Ведекинда [20].

В свое имущество И.П. Фет включает и те 10 000 гульденов, которые А.Н. Шеншин определил Карлу Беккеру на расходы по воспитанию Лины. В своей последней воле И.П. Фет также требует, чтобы его жена Луиза продолжала судебную тяжбу с Карлом Беккером по поводу 10 000 гульденов, начатую Иоганном Петером Фетом еще много лет назад: «Моя супруга Луиза должна после моей смерти продолжить воспитание моей возлюбленной дочери Лины... При этом она должна противодействовать любым попыткам со стороны семьи Беккер воздействовать на Лину. Я категорически настаиваю, чтобы опекуны выдавали ей соответствующее содержание как минимум 300 гульденов ежегодно в первую оче-

редь за счет моего имущества, то есть за счет процентов от капитала, которые принадлежат мне как законному пользователю, при необходимости в виде задатка, и лишь потом из имущества самой Лины, то есть из тех десяти тысяч гульденов, которые были ей подарены сегодняшним супругом ее матери» [21]. Таким образом, И.П. Фет проявляет свою глубокую досаду относительно 10 000 гульденов, подаренных А.Н. Шеншиным Карлу Беккеру на расходы по воспитанию Лины. Эта досада объясняется и тем, что он был в крайне стесненном финансовом положении.

Завещание подписано асессором Фетом и свидетелями Винером и Вольфом 12 октября 1825 г. Из документа явствует, что И.П. Фет не считал Афанасия Афанасьевича Шеншина своим сыном и потому не включил его в свое завещание. И.П. Фет скончался 1 ноября 1825 г. [22].

2. Письмо Иоганна Петера Фета великому герцогу от 17 июля 1825 г. является прошением выплатить долг в сумме 2000 гульденов. Из этого письма узнаем, что великий герцог являлся приемным отцом и содержателем Иоганна Петера с 1805 по 1817 г. [23]. На это обращает внимание и В.В. Кожин: «Профессор Е.Г. Франц по сохранившимся в архиве свидетельствам установил, что Иоганн Фет был внебрачным ребенком одного из сыновей великого герцога» [24]. <...> Затем Иоганн рассказывает о своем положении в связи с бегством его жены: «В дальнейшем из-за бегства моей супруги, которое имело место 1 октября 1820 г. <...> из-за необхо-

димости ухода за моей дочерью, которой в момент бегства ее матери было всего год и четыре месяца и которая в свой сегодняшний седьмой день рождения с мольбой присоединяется к просьбе своего отца Вашему королевскому высочеству о помощи в его бедственном положении, а также из-за почти непрерывного медицинского ухода, необходимого мне в России и в Данциге, и совершенно расстроенного здоровья в течение дальнейшего несчастливого времени, я задолжал еще 500 гульденов!» Далее И.П. Фет предлагает три варианта выплаты долга. Письмо датируется 17 июля 1825 г.

3. Свидетельство о браке Иоганна Петера Фета и Шарлотты Елизабеты Беккер выдано 18 мая 1818 г. в Дармштадте. В свидетельстве выписаны все имена Иоганна – Иоганн Петер Карл Вильгельм Фет. Так как Шарлотта Беккер по своему вероисповеданию была лютеранка, а Иоганн Петер Фет – католик, требовалось Высочайшее разрешение и освобождение от венчания по лютеранскому обряду.

4. Из перечня данных Карла Беккера и его детей выясняется, что они все по вероисповеданию были лютеране. У Карла Беккера было в 1810 г. три сына: Карл Вильгельм, 22 лет, смотритель лесничества, Эрнст Фридрих Георг, 15 лет, книгопечатник, Август Георг Теодор, 14 лет, кадет артиллерийского корпуса, умер в 1812 г. И только одна дочка была у Карла Беккера – Шарлотта Елизабета, 12 лет.

Афанасий Фет-Шеншин в воспоминаниях «Ранние годы моей жизни» рассказывает о приезде будущей русской им-

ператрицы (супруги Александра II) Марии Александровны в Москву. Вместе с ней приехал и Эрнст Беккер. «Незнакомец, оказавшийся говорящим только на немецком, <...> сказал, что он желал бы видеть студента Фета, и когда я подошел к нему, он с слезами бросился обнимать меня, как сына горячо любимой сестры. Оказалось, что это был родной дядя мой, Эрнст Беккер, приехавший в качестве адъютанта принца Александра Гессенского, брата высоконазванной невесты» [25].

5. Из перечня данных Иоганна Петера, его жен Шарлотты Беккер и Луизы Цан и его дочери Каролины (Лины) выясняется, что сам Иоганн Петер католического вероисповедания, а обе его жены и дочь Каролина лютеранского. Дата смерти Иоганна Петера Фета 1 ноября 1825 г., а второй его жены Софии Луизы 21 сентября 1832 г.; Лина скончалась в Киеве 20 октября 1875 г. [26]; Шарлотта Беккер (Е.П. Шеншина), мать Фета, скончалась 12–14 ноября 1844 г. [27].

В Дармштадтских документах приведены данные, о которых биографы Фета до сих пор умалчивали. Однако сейчас уже имеется возможность исследовать жизнь Фета в целом, так как его жизнь с биографической точки зрения разделяется на определенные периоды: первый период, когда его родители были вынуждены внушать ему, что он сын И.П. Фета, и второй период, когда он получил право носить фамилию своего отца А.Н. Шеншина. Сам Фет со смирением принял известие об исключении его из рода Шеншиных [28], но

целестремленно через долгие годы добивался того, чтобы согласно указу государя Александра II Сенату от 26 декабря 1873 г. Фету вернули право носить фамилию своего отца А.Н. Шеншина, как и дворянские права.

О поэтическом мирозерцании Фета

Пересмотр творчества Фета понемногу переходит от наклеивания «ярлыков» («атеист», «крепостник») на более верный и глубокий анализ его лирики, включающий и религиозный, онтологический подход [29], и психологический [30], и музыковедческий [31] анализ лирических образов Фета. В 1883 г. в предисловии к переводам од Горация, посвященном покойному императору Александру II, Фет пишет: «Этот монарх даровал своей стране свободу. Да не забудет учащееся и созревающее юношество, которому только и может приносить пользу настоящий перевод, что начало истинной свободы есть свобода духовная: отношение к окружающему миру, его истории, свободное от всяких кем-либо навязанных воззрений и теорий... В бозе почивший Монарх даровал нам гражданскую свободу. Если мы умеем ценить его дар, то должны заслужить его духовной свободой и честным трудом» [32]. Едва ли эти слова могли быть написаны защитником крепостничества. Как раз наоборот, Фет хотел принять и объединить новые свободные силы России, создать жизнеспособную, функциональную систему сельского

хозяйства.

В литературной критике нередко чуждым ощущается тот факт, что Афанасий Фет, представитель старой дореволюционной России и старой русской культуры, и свою лирику писал старой орфографией. Как переводчик и знаток немецкой литературы (перевел «Фауста») и также глубокий знаток античной традиции, он часто воспринимается главным образом как европеец в России, иностранец. Однако его лирические произведения все написаны на превосходном русском языке. Анализ лирики Фета, к сожалению, много теряет, если не учитывается культурная и духовная жизнь России XVIII и XIX вв. Только сейчас постепенно открываются пласты духовной традиции старой России с положительной и созидательной точки зрения, а не с разрушительной, предвзятой и тенденциозной, которые преобладали до сих пор, особенно при анализе жизни дворянства и духовенства.

Пасха и Рождество Христово и другие православные праздники присутствуют в поэтическом мирозерцании Фета, а также борьба добра и зла. Фет, согласно с канонами православия, писал и об ангелах («Тихо ночью на степи» (1847), «Ворот» (1847)), о Серафиме павшем. В стихотворном посвящении «М.М. Хрущову» (1878) архангел Михаил – духовный борец «с копьем» против зла. В стихотворении эта борьба включает христианское сочувствие к сильным мира сего:

М.М. Хрущову

*Пускай с копьем противу злого
Всегда архангел Михаил,
Но и любовью земного
Богат носитель горних сил.*

*Не сном глава его объята
Под райским деревом, в тени:
Все, что воздушно и крылато,
Ему поистине сродни.*

*И верю, праведен он будет
Прямой судья добру и злу,
И воробьев он не забудет,
Хотя сочувствует орлу.*

II:297

Фет органично включает и «любовь к земному», архангел Михаил – заступник угнетенных, по-христиански не признает мести. Именно эта нота глубочайшего смирения уникальна в лирике Фета и так далека от музыки «мести и печали» Некрасова.

Полемика об атеизме Фета продолжается, хотя в его поэтическом мирозерцании христианские темы уже стали яв-

ны, и их невозможно исключить из его стихов. Как доказательство «атеизма» ссылаются на переписку К.Р. и его слова о высказывании Марьи Петровны [33]. Получается неубедительная ссылка на третье лицо. Ведь Фет сам сказал в письме к Н.Н. Страхову: «Ни я, ни Шопенгауэр не безбожники, не атеисты» [34]. Атеистом Фета трудно представить: он был крещен, его венчали, он был похоронен православной церковью. Фет сам писал о своих крещении и венчании: «Отец Яков крестил меня и был постоянным духовником отца и матери». Венчался он в Париже 16 августа 1857 г. «Пришлось мне, – рассказывал Фет, – обратиться к русскому священнику, любезному отцу Василию, который пояснил, что в русской посольской церкви в Париже форменных венцов нет, но что он к назначенному дню, – т.е. к 16 августа (старого стиля), закажет венцы цветочницам, которые устроят их из искусственных цветов на каркасе. Оставалось заказать кольца и бонбоньерки и пригласить шаферов. Шаферами у невесты были ее братья, а у меня – И.С. Тургенев» [35]. Отпевали Фета 24 ноября 1892 г. «Отпевание происходило 24 ноября в университетской церкви в Москве, а потом гроб был отвезен Марьей Петровной (жена Фета) в село Клейменово в 25 верстах от Орла во Мценском уезде. Село это – родовое имение Шеншиных. <...> Там на кладбище старой церкви похоронены отец и мать Афанасия Афанасиевича и некоторые члены предыдущего поколения Шеншиных. Но сам он покоится не здесь, а в склепе под новой церковью, построенной

Ольгой Галаховой (племянница Фета), урожденной Шеншиной» [36].

Отношение к православной церкви, несомненно, пострадало после исключения Фета из рода Шеншиных Духовной консисторией г. Орла. В христианское миропонимание Фета вошло и глубокое понимание лютеранской и протестантской веры, так как его мать перешла в православие из лютеранства. Любопытный факт тот, что венчальное кольцо Фет носил на левой руке, а не на правой, как в православной церкви. Это лишь внешние детали, а суть христианства – в его поэзии и творчестве в целом, и, конечно, в его биографии.

* * *

Лирика Фета вдохновляет ученых, и новые поколения восприимчивы к его эстетическим взглядам. Замечательное исследование лирики поэта вышло в 2009 г. в Германии. Докторская диссертация Стефана Шнейдера (Гейдельбергский университет) делает, наконец, Афанасия Фета известным и немецким читателям. Современное фетоведение постепенно раскрывает все новые пласты его творчества, что радует и дает надежду на то, что творчество великого русского лирика будет жить и в новом тысячелетии.

Литература

- 1 См.: *Шенишина В. А.А.* Фет-Шеншин. Поэтическое мирозерцание. – М., 2003.
- 2 *Никольский Б.В.* Предисловие // Полное собрание стихотворений А.А. Фета. Т. 1–3. – СПб., 1901. – Т. 1. – С. LVII.
- 3 *Фет А.* Поэт и мыслитель. Сборник научных трудов. – М., 1999. – С. 171–234.
- 4 *Фет А.* Жизнь Степановки, или Лирическое хозяйство / Вступ. статья, сост. и подготовка текста и коммент. В.А. Кошелева и С.В. Смирнова. – М., 2001.
- 5 *Фет А.* Сочинения и письма: В 20 т. Институт русской литературы РАН. – СПб. и Курский гос. университет, 2003–2010. – Т. 1–5.
- 6 *Фет А.А.* Литературное наследство. А.А. Фет и его литературное окружение. Книга первая. – М., 2008.
- 7 *Леонтьев К.* Избранные письма 1854–1891. – СПб., 1993. – С. 433.
- 8 *Trautmann R.* Die Mutter von A. Fet-Shenshin // Zeitschrift für Slavische Philologie Herausgegeben von Vasmer. – Leipzig, 1942. Bd XVIII, Hf. I. S. 19–20.
- 9 *Шенишина В.* Указ. соч. – С. 212–224.
- 10 *Шенишина В.* Дармштадтские документы в биографии А.А. Фета. Афанасий Фет и русская литература. XVIII Фетовские чтения. – Курск, 2004. – С. 5–23.

- 11 *Фет А.А.* Ранние годы моей жизни. – М., 1992. – Т. 3. – С. 238–257.
- 12 Письма К.П. Матвеевой к А.А. Фету // А.А. Фет. Поэт и мыслитель. К 175-летию со дня рождения А.А. Фета. – М., 1999. – С. 270–276.
- 13 *Асланова Г.* Роковое фетианство // Наше наследие. – 1999. – № 49. – С. 55–59.
- 14 *Фет А.А.* Стихотворения / Сост. В.В. Кожин. – М., 1981. – С. 10.
- 15 *Алексина Р.М.* К биографии Фета. (По документам государственного архива Орловской области) // А.А. Фет. Проблемы творческого метода, традиции. – Курск, 1989. – С. 88.
- 16 *Аксененко Е.М.* Г.П. Блок. К истории отечественного фетоведения // А.А. Фет и русская литература: XV Фетовские чтения. – Курск, 2000. – С. 299–316.
- 17 *Кожин В.В.* О тайнах происхождения Афанасия Фета // Проблемы изучения жизни и творчества А.А. Фета. – Курск, 1993. – С. 322–328.
- 18 Там же. – С. 326.
- 19 *Шеншина В.* А.А. Фет-Шеншин. Поэтическое мирозерцание. – С. 212–224.
- 20 Там же. – С. 197.
- 21 Там же.
- 22 Там же. – С. 216.
- 23 Там же.
- 24 *Кожин В.В.* Указ. соч. – С. 219.

25 Там же. – С. 323.

26 Фет А.А. Ранние годы моей жизни. – С. 197.

27 Матвеева Н.П. Письма К.П. Матвеевой к А.А. Фету. – С. 274.

28 Блок Г.П. Летопись жизни А.А. Фета // А.А. Фет: Проблемы изучения жизни и творчества. – Курск, 1994. – С. 292.

29 Фет А.А. Ранние годы моей жизни. – С. 95.

30 Шеншина В. А.А. Фет-Шеншин. Поэтическое мирозерцание. – С. 61–113.

31 Klenin E. The Poetics of Afanasy Fet. – Köln, 2002.

32 Schneider S. An den Grenzen der Sprache. – Berlin, 2009.

33 Гораций К. Флакк в переводе с объяснениями А. Фета. – М., 1883. – С. V–VI.

34 Матонина Э., Говорушко Э. К.Р. (Жизнь замечательных людей). – М., 2008. РГБ. Ф. 315. К. 4. Ед.хр. 25.

35 Фет А. Мои воспоминания. – М., 1890. – Ч. I. – С. 201–203.

36 Страхов Н.Н. А.А. Фет. Биографический очерк // Полное собрание стихотворений А.А. Фета. Т. 1–3. – СПб., 1901. – Т. 1. – С. XXXVII.

О МЕСТЕ ФЕТА В ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ И О ЕГО НОВОМ СОБРАНИИ СОЧИНЕНИЙ

В.А. Кошелев

Аннотация

Автор, анализируя творчество Фета в контексте изменявшихся «литературных мнений» эпохи, размышляет о принципах подачи материала в его новом собрании сочинений.

Ключевые слова: массовое сознание, литературный труд, консервативное противостояние, творческое наследие, собрание сочинений.

Koshelev V.A. *Fet in the history of Russian culture and his new collected works edition*

Summary. The author analyses Fet creative activity in the context of changing «literary opinions» of the time and discusses the principles of his new collected works edition.

В «Энциклопедическом словаре» Брокгауза–Ефрона (1899) имя «ФЕТ» было определено: «известный русский поэт-лирик». В «Краткой литературной энциклопедии» (1972) он представал как «русский поэт». В предназначенном для

школьников словаре «Русские писатели XI – начала XX века» (1995) место Фета было обозначено так: «*поэт, переводчик*». В недавнем словаре для тех же школьников «Русские писатели: XIX век» (2007) это имя наполняется дополнительным деятельным содержанием: «*поэт, прозаик, публицист, переводчик*».

Подобное посмертное «приращение» энциклопедических номинаций применительно к конкретному деятелю культуры – случай сам по себе уникальный. И дело тут не только в том, что в последнее время усилилось изучение наследия Фета, а издание его произведений перешло в новую стадию. Допустим, в последнем словаре имя «ТЮТЧЕВ» по-прежнему определяется просто «*поэт*», хотя вышло полное собрание его сочинений, содержащее не только стихи, но и замечательные философско-политические статьи, хотя опубликован его незавершенный философский трактат «Россия и Запад». Тютчев от этого не перестал осознаваться как «просто поэт». А Фет – перестал.

Между тем русское массовое сознание определило Фета даже в «*поэты-лирики*» далеко не сразу. Во всяком случае – не при жизни. В бурные 1860-е годы он напрочь испортил свою литературную репутацию: интересоваться его творчеством стало «дурным тоном». В журналах на его стихи существовало «гонение», двухтомное издание его стихов и переводов (выпущенное в 1863 г. отнюдь не «запредельным» тиражом) залежалось в книжных лавках на 30 лет – до конца

его жизни! А когда «академики» надумали дать Фету Пушкинскую премию, то она была дана (на всякий случай) не за его лирические стихи, а за переводы Горация (нечто «несомненное», хотя и не столь значительное, и совсем не культурообразующее)!

В качестве «поэта-лирика» Фет был осознан уже в эпоху «символистов», хотя он сам всегда выделял эту сферу собственной деятельности в качестве *главной*. В стихотворении, написанном по поводу переселения в курское имение Воробьевка, так было определено значение этого рода деятельности Фета:

Поэт! Легко сказать: поэт!
Еще лирический к тому же!
Вот мой преемник и сосед,
Каких не выдумаешь хуже.

Поэт – это своеобразное явление культуры, и очень непростое.

Люди, которые пишут и печатают стихи, подразделяются на два «разряда»: *поэты* и *непоэты*. В этом разделении нет ничего обидного: стихи «непоэтов» тоже иногда оказываются нелишними для национального чувства. Но собственно *поэтов* в любой национальной литературе оказывается немного.

Это вроде бы кажется противоестественным: большинство образованных людей, достигнув определенного возраста,

та, пробуют писать стихи. Внешне это оказывается нетрудным ремеслом: небольшое число стихотворных размеров, рифмы, которые «вооружают» поэтическую «мысль», и т.д.

Из тех миллионов, которые пробуют писать стихи, тысячи – стремятся их напечатать: проверить свой поэтический талант на читателе. Многие из этих «тысяч» потом попадают в «цех задорный» – так его поименовал Пушкин – и делают поэтическое творчество основным делом своей жизни. Но от этого еще не становятся *поэтами*.

Так всегда было. Еще в «допушкинские» времена В.А. Жуковский решил дать русскому читателю представление о современной русской поэзии – и набрал из журналов увесистое «собрание», которое так и назвал: «Собрание русских стихотворений» (5 томов, 1810–1811 гг.). Современники сетовали на непропорциональное расширение круга «поэтов» («и Шаликов, и Долгорукий»), но если исключить «непоэтов», «то нельзя собрать и одного тома». Да и *непоэты* тоже оказали свое влияние на развитие словесности.

Между тем в нашей памяти от всей «допушкинской» поэтической эпохи «сохранилось» лишь несколько *поэтов*: их можно пересчитать по пальцам одной руки. А если быть совсем «разборчивым», то из всего «поэтического» XIX столетия хочется запомнить не более двух десятков поэтических имен. А из XX – и того меньше.

Поэт – это не тот, кто пишет и публикует стихи. Это тот, кто привносит с собой неповторимое мироощущение, кото-

рое для убедительности представлено в форме стихотворного высказывания. С точки зрения «оценивающего» Фета (статья «О стихотворениях Ф. Тютчева», 1859), Тютчев – единственный и несомненный *поэт*, а гораздо более известный его современник Некрасов – столь же несомненный *непоэт*. При этом Тютчев, проживши 70 лет, оставил после себя только «книжку небольшую», не относился к своей поэтической деятельности сколько-нибудь серьезно и ни копейки на своих стихах не заработал. А Некрасов уже к 35 годам стал знаменитым, всей России известным стихотворцем, издателем передового журнала, лидером влиятельного литературного кружка, а потом составил состояние на переизданиях своих стихов, востребованных на читательском рынке. Следовательно, имел гораздо более «счастливую» литературную судьбу, чем Фет или Тютчев.

Но дело даже не в этом. Мировосприятие поэта ориентировано на встречу с Музой: «Пришла и села. Счастлив и тревожен, / Ласкательный твой повторяю стих...» Истинные шедевры, подсказанные Музой и не ангажированные временем, оказываются, как правило, непонятны широкому читателю. Поэтому поэты не умеют «зарабатывать» на своих стихах.

Можно наметить несколько показательных отличий *поэта* от *непоэта*. Например, поэт свободен от самоповторения. Каждый раз, когда к нему «приходит Муза», он оказывается первооткрывателем, стремится идти «по целине», создавая что-то совсем оригинальное и ни на что не похожее. У

поэта нет раз навсегда закрепленной темы (вроде некрасовских «страданий народных»): он пытается «работать» независимо от привычных тематических сфер, каждый раз прокладывая «свою» тропку и демонстрируя свое миропонимание. Поэтому любой поэт строго индивидуален. Как отмечал А. Блок, «душевный строй истинного поэта выражается во всем, вплоть до знаков препинания».

Поэтому же, кстати, от истинного поэта остается гораздо больше таких стихотворений, которые воспринимаются как «плохие», и почти нет произведений, выполненных на «хорошем среднем уровне». У непоэта таковых большинство – поэт же предпочитает лучше написать откровенно «плохое» (не каждая новая тропка выводит на что-то действительно новое!), чем еще раз «повториться», а в противном случае зачем и Муза являлась?

«Горька судьба поэтов всех времен!» – восклицал еще Вильгельм Кюхельбекер.

Судьба настоящего поэта прямо не связана с собственно литературным движением эпохи: поэт, как правило, не в состоянии прожить только литературным трудом и вынужден реализовываться в иных – иногда совсем не «сопредельных» сферах. Державин был крупным чиновником и министром; Пушкин получал от правительства жалованье за писание исторических сочинений; Тютчев избрал карьеру дипломата и цензора; Фет стал помещиком-фермером...

Судьба *поэта*, как правило, бывает трагичной. И живут

они очень часто недолго. Фет в этом отношении был знаменательным исключением. Благодаря своей сильной личности он сумел дожить почти до 72 лет – и не утратить своего таланта и не изменить изначально выбранной поэтической стезе.

Фет осознал то, что он *поэт*, еще в 19-летнем возрасте – и это осознание определило весь его жизненный и творческий путь. Свое бытийное credo он высказал в одном из позднейших писем: «Свободы ищет и добивается человек на всех поприщах: политическом, общественном, умственном, художественном: словом сказать, на всех. Слово *свобода* у всех на языке и, быть может, на сердце; а между тем, многие ли уяснили себе его значение? Свободу понимают, как возможность двигаться во всех направлениях. Но природа не пускает меня ни в небо, ни в землю, ни ко дну океана, ни сквозь стену. Для духовного движения есть свои океаны и стены. Интересно осмотреть *остающееся в нашу пользу пространство, по которому мы действительно можем двигаться*»¹.
Всю жизнь он «осматривал» это «пространство». В отличие от Тютчева, он не конструировал в поэтической форме никаких умозрительных систем. Он был как раз певцом «пространства свободы».

В известной формуле Фет так определял ведущие сферы собственной деятельности: «*Солдат, коннозаводчик, поэт и*

---

¹ Из письма Фета к К.Р. от 27 декабря 1886 // *Фет А.* Стихотворения. Проза. Письма. – М., 1988. – С. 320.

переводчик». Помимо последних «энциклопедических» номинаций, на первом месте стоят две материальные, связанные между собой как раз показателем *свободы*.

Ведь *солдат*, служащий в военной службе и точно выполняющий устав (это «точное выполнение» всегда было неукоснительным правилом Фета на военной службе), оказывается гораздо *свободнее* от тех житейских случайностей, от которых «несвободен» гражданский чиновник, зависящий от множества мнений и житейских перемен. А *коннозаводчик* – это свободный руководитель фермерского хозяйства в его «пределе»: только от деятельности его самого зависит его материальное процветание! Столь же *свободны* и независимы от окружающих мнений должны быть «рифмующиеся» с ними данности духовного самоопределения литератора: *поэт и переводчик*.

Поэтому произведения, например, Фета-прозаика или даже Фета-публициста – исключительно *автобиографические*: Фет подробнейшим образом конструирует то «пространство свободы», которое окружает военного человека, или путешественника, или «строителя» новой усадьбы в голой степи. Показательно авторское заглавие первого цикла его «деревенских» очерков: «Жизнь Степановки, или *Лирическое хозяйство*» (1862): будучи *поэтом*, помещик эпохи реформ определяет и оценивает деятельность помещика нового типа как *лирическую* по преимуществу! Конечно же, такой поворот мысли оказался непонятен М.Н. Каткову, редактору

«Русского вестника», и заглавие очерков получило «традиционные» очертания – «Записки о вольнонаемном труде».

Фет-переводчик особенно интересовался истоками – его основные переводы были из римской античности. Он осознавал *поэта* как выразителя психологии просто *человека* – не человека как представителя какого-то «народа» или «сословия», а обычного – «*голового человека на голой земле*». Почему уже первобытные люди (какие-нибудь «кавказские горцы») не могли жить вне поэтического переосмысления собственной жизни и собственного «я»? И далеко ли от них ушло в этом отношении современное «цивилизованное общество»? В этом смысле он был действительно (как его назвал Н. Недоброво) *времеборец*.

А от этой устремленности к истокам шло такое важное качество общественной позиции Фета, как политический *консерватизм*.

В советском литературоведении обозначения «реакционный» или «консервативный» воспринимались почти что как ругательства. Между тем в исконном значении этих понятий нет ничего собственно «отрицательного». В.И. Даль определяет слово *консерватор* как «боронитель, сохранитель», «кто блюдет настоящий порядок дел, управленья, противник новизны, перемен». Консервативная идеология – это «сохранительная» идеология, в рамках которой «перемены» допускаются только после многократных «проб» и «проверок». А *реакция* (*re* – против, *actio* – действие) – это «противосилие,

отпор, противодействие, сопротивление». То есть действие, возникающее в ответ на то или иное воздействие.

Поздний Фет может быть определен как «консерватор» или «реакционер» только в этом, «исконном» смысле указанных понятий. И в моменты бурного общественного бытия, которые выпадали на его долю, не скрывал своего противодействия – ни такой акции, как убийство Александра II, ни модным либеральным речениям. «Коренное дело земледельческой промышленности всего менее выносит всякого рода ломки и передергивания», – писал он в 1879 г.

В такой позиции тоже отразилось прежде всего «само-стоянье» поэта, неординарная способность его встать «*всуперечь потоку*» (выражение Б. Чичибабина). По закону парадокса, Фет становился в оппозицию к окружающему обществу, провозглашая собственное «самостоянье». Очень уж этот «поперечный» деятель талантлив – совершенно по-особому талантлив. И талант этот по-настоящему проявляется именно тогда, когда его носитель становится «всуперечь».

Подобное оказывается естественным в том случае, если он берет для себя в качестве жизненной позиции не просто позицию *противостояния*, но позицию *консервативного* противостояния. Носитель его не принимает устремлений «потока», отталкиваясь не от известных «прогрессистских» данностей (типа: «свобода, равенство, братство»), а от глубоко оригинальных идей, носящих, по своей сущности, консервативный характер. Возможность такой *консервативной*

оппозиции в XIX в. явили Карамзин в «Записке о древней и новой России» (1811), Гоголь в «Выбранных местах из переписки с друзьями» (1846). И Фет – в своих публицистических статьях «Наши корни», «Наша интеллигенция», «Где первоначальный источник нашего “нигилизма”?», «На распутье» и т.п.

Эти произведения очень трудно «пробивались» в печать: либо были напечатаны через много лет после смерти авторов, либо выходили в свет изуродованные цензурой – той самой цензурой, которая, казалось бы, должна безусловно пропускать в печать всё, поддерживающее официальный «порядок». Но не тут-то было: этот порядок и Карамзин, и Гоголь, и Фет призывали поддерживать *по-своему*, отлично от рецептов власти. И в этом «само-стоянье» оказывались в оппозиции ко всем общественным группам эпохи.

Консервативная оппозиция Фета-политика становилась в согласии с мироощущением Фета-поэта: одна дополняла другую.

Словом, место Фета в истории русской культуры можно обозначить единственной номинацией: он был *поэт* – и в области «духовных», и в сфере «материальных» данностей. В качестве *поэта* он сумел расширить границы поэтической деятельности до тех пределов, достичь которых не удавалось никому прежде (и даже, кажется, никому *после* Фета). Он сумел утвердить возможность поэтического мировосприятия не только собственно в сфере узко стихотворной деятельно-

сти, но и в сфере «непоэтических» жанров, и в сфере вообще «не литературной», а служебной или хозяйственной жизни... Осмысление самой *возможности* такого рода культурной работы – кажется, еще дело будущего.

Но то, что отдельный культурный деятель сумел эту возможность реализовать – это огромнейшая заслуга, еще не вполне оцененная. И основной причиной неверной оценки крупнейшего русского поэта стало отсутствие удовлетворительного и сколь-либо полного собрания его сочинений.

* * *

С конца 1970-х годов при Курском государственном педагогическом институте (позднее преобразованном в Курский государственный университет) стали проводиться периодические всероссийские Фетовские чтения. Помимо собственно филологической цели эти чтения сразу же стали способствовать решению важной культурной задачи: сохранения и восстановления того единственного мемориального места в России, которое связано с жизнью и творчеством поэта. Это место – усадьба Воробьевка (недалеко от знаменитой Коренной пустыни), в которой Фет жил в летние месяцы начиная с 1877 г. до смерти. Все остальные мемориальные места – московский дом на Плющихе, орловские усадьбы Новоселки (где Фет родился) и Степановка (где в «эпоху реформ» он проводил свои уникальные «фермерские» эксперименты) –

безвозвратно уничтожены в XX столетии.

В процессе «чтений» обнаружилось, что и сама фигура великого русского поэта представлена – не только в «массовых», но и в серьезных историко-литературных трудах – искаженно и мифологизированно. В наших представлениях о классике с давних пор укоренилась система «нечаянных» мелочей, прямо искажающих житейский облик этого «странного» поэта, жизнь которого сложилась «угловато» (выражение В.С. Баевского). В сравнительно недавнем вузовском учебнике В.И. Кулешов заявлял о «разрыве между Фетом – тонким лириком и Шеншиным – человеком»². Указанный разрыв подкреплялся фактами, которые при ближайшем рассмотрении оказываются мифами:

– миф о «самоубийстве бедной возлюбленной» (М.К. Лазич): эта легенда возникла в кругах русских символистов-«фетышистов», вообще склонных к поискам в биографии Фета подобных «загадок»;

– миф о «Фете-крепостнике»;

– миф о Фете – плохом переводчике-«буквалисте»;

– миф о «фетовском безобразничанье» (выражение И.С. Тургенева), которое выразилось в его «искательстве» у сильных мира сего;

– миф о «самоубийстве» 72-летнего поэта, возникший че-

---

² Баевский В.С. История русской поэзии. 1730–1980. Компендиум. – Смоленск, 1994. – С. 164; Кулешов В.И. История русской литературы XIX в. – М., 1997. – С. 514.

рез 15 лет после его смерти;

– миф о «мотыльковой поэзии», восходящий к демократам 1860-х годов, позитивистским устремлениям которых были чужды фетовские «парадоксы»;

– и так далее...

Серия подобных мифов и сформировала историко-литературное представление о Фете. Вот исходная посылка В.И. Кулешова: «Есть три позиции в объяснении Фета. Первая: мы хотим знать хорошего Фета, крупнейшего лирика, и ни до чего другого в его жизни и лирике нам нет дела. Вторая: есть все же два Фета: Фет и Шеншин, поэт и делец, и хотя Шеншин часто мешал Фету, эти помехи надо игнорировать как чисто эмпирические обстоятельства, как недоразумения частной жизни, будничную суету, не стоящую внимания. И, наконец, третья позиция: имеются диалектические связи между Фетом и Шеншиным, между благоухающим лириком и воинствующим консерватором»³. Почему-то ассимилируется «четвертая позиция»: в личности Фета-писателя не было никакого разрыва... Позиция самая простая – но и самая точная.

Фета привыкли воспринимать как «раздвоенную» личность, в которой ее бытовая сторона (кавалерийский офицер, затем преуспевающий помещик-фермер, автор «консервативных» политических и экономических статей и пр.) как

---

³ Там же. – С. 517. Образец «третьей позиции» см.: *Сухих И.Н.* Шеншин и Фет: Жизнь и стихи. – СПб., 1997.

бы противостояла творческой личности «чистого лирика». Сам Фет, отразивший в своем творчестве не только психологию человека своего времени, но русского человека всех времен (и в этом отношении он оказывается очень близок современности), многократно, но безуспешно пытался объяснить специфику собственной «цельности» – но не был понят ни современниками, ни ближайшими потомками.

И нам его творческой личности не понять без издания в возможной полноте многообразного наследия великого поэта. Еще с дореволюционных времен, в связи с исключительным интересом к фетовскому творчеству среди поэтов Серебряного века и особенным почитанием его, сложилась издательская традиция извлекать из этого наследия лишь собственно стихотворную, лирическую ее часть, считая остальное не заслуживающим внимания. Так возникли и известные «двухтомники» стихотворений Фета (наиболее распространенный – в приложении к журналу «Нива», под редакцией Б.В. Никольского: СПб., 1912) и его «однотомники» в серии «Библиотека поэта» (подготовленные Б.Я. Бухштабом, вышли в 1937, 1959 и 1986 гг.). Лишь в 1982 г. А.Е. Тархов выпустил двухтомник Фета, включивший, помимо лирических стихов, избранные переводы и его художественную прозу и некоторые письма, но подобное «усеченное» издание не могло ничего изменить.

Участникам курских «Фетовских чтений» подобная издательская традиция представляется глубоко неверной. Ком-

плексное исследование творчества поэта невозможно без полного издания его наследия, разбросанного по самым разным, порой труднодоступным, источникам. К сожалению, современное состояние изучения творчества Фета не позволяет еще ставить вопроса о его комментированном академическом издании – это дело будущего. Но должно явиться хотя бы собрание, в котором были бы представлены, по жанрово-хронологическому принципу, все стороны его литературного наследия, включающего не только стихотворения, но и художественную прозу, и публицистику, и мемуары, и переводы, и эпистолярый.

Полноценное изучение творческого наследия Фета возможно только тогда, когда оно будет доступно исследователям в его полном виде. А сам поэт предстанет не в облике «усеченного» однотомника, а по меньшей мере 20-томника. При этом распределение произведений по томам должно быть проведено прежде всего в соответствии с творческим развитием самого Фета.

Т. 1. *Стихотворения 1839–1863 гг.* 1839 г. означает начало творческой деятельности Фета, первое «явление Музы»; в 1863 г., выпустив свое «итоговое» собрание стихотворений, поэт, ушедший из литературы в фермерство, посчитал свою поэтическую деятельность законченной, во всяком случае для публики.

Т. 2. *Переводы 1839–1863 гг.* Основа тома – второй том собрания 1863 г.: Фет, собственно, по давней традиции не

отделял переводов, теснейшим образом связанных с его оригинальной поэзией.

Т. 3. *Повести и рассказы. Критические статьи*. Образцы художественной и критической прозы, к которой Фет периодически обращался начиная с 1853 г.

Т. 4. *Из-за границы. Из деревни*. Циклы очерков Фета, посвященные заграничному путешествию (1856–1857) и попыткам создания помещичьего хозяйства на основе «вольнонаемного труда» (1862–1864, 1868, 1871).

Т. 5. *Вечерние огни; стихотворения 1864–1892 гг.* Основа тома – четыре поэтических сборника «неизданных стихотворений» Фета, выпущенных им в 1883, 1885, 1888 и 1891 гг.

Т. 6. *Ранние годы моей жизни*. Мемуары Фета, раскрывающие основные вехи его жизни в детстве и юности.

Т. 7–8. *Мои воспоминания. 1848–1889 гг.* Воспоминания поэта о зрелом периоде его жизни, об отношениях с Тургеневым, Л. Толстым, Боткиными и т.д.

Т. 9. *Публицистика*. Многочисленные публицистические выступления Фета (как большие трактаты, так и газетные заметки), «незамеченные» современной демократической общественностью; ряд из них остались в рукописи.

Т. 10. *«Фауст» Гёте в переводе Фета*. Перевод обеих частей знаменитой трагедии был издан поэтом в 1882 – 1883 гг. и снабжен оригинальными и любопытными комментариями.

Т. 11–13. *Переводы из римской поэзии*. Во второй половине жизни Фет активно занимался переводами римских клас-

сиков: Вергилия, Горация, Овидия, Катулла, Тибулла, Проперция, Персия, Плавта, Марциала. Эти переводы составили целую библиотеку.

Т. 14–15. *Переводы философских трудов*. Прежде всего это переводы классических трудов А. Шопенгауэра «Мир как воля и представление» (1881), «О четверном корне закона достаточного основания» и «О воле и природе» (1886).

Т. 16–19. *Письма*. Эпистолярное наследие Фета еще не собрано и в значительной части не опубликовано. Лишь в последнее время идет работа по его публикации – и неожиданно это наследие оказывается громадным⁴.

Т. 20. *Биографические материалы. Указатели*. Еще в 1930-е годы Г.П. Блок составил краткую «Летопись жизни А.А. Фета»⁵, которая впоследствии была существенно дополнена новыми фактами.

Исходя из получившегося плана издания, группа энтузиастов, сформировавшаяся на курских «Фетовских чтениях», решила на свой страх и риск приступить к такому труду. В эту группу вошли ученые из Санкт-Петербурга, Курска, Саратова, Великого Новгорода, Твери. В Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН была создана специальная

---

⁴ См., напр.: Литературное наследство. Т. 103: А.А. Фет и его литературное окружение. Книга первая. – М.: ИМЛИ РАН, 2008. Всего в двух книгах фетовского тома «Литнаследства» представлено около тысячи писем поэта и его корреспондентов – но это, в сущности, лишь «семь эпистолярных комплексов».

⁵ См.: Блок Г.П. Летопись жизни А.А. Фета (публ. Б.Я. Бухштаба) // А.А. Фет: Традиции и проблемы изучения: Сб. науч. трудов. – Курск, 1985. – С. 129–180.

группа по изданию сочинений Фета (руководитель группы – Н.П. Генералова). Курский государственный университет (ректор В.В. Гвоздев) выразил готовность спонсировать издание. Главным редактором и координатором стихийно организованного проекта был выбран автор настоящей статьи.

В 2002 г. был выпущен первый том фетовского собрания, в 2004-м – второй, в 2006-м – третий, в 2007-м – четвертый. В 2010 г. подготовлен самый ответственный по текстологии и комментированию пятый том, находящийся в типографии.

* * *

Издание сочинений Фета (в особенности стихотворной их части) сопряжено со специфическими текстологическими трудностями, связанными как с определением основного текста того или другого стихотворения, так и со способом представления отдельных стихов в составе собрания.

Из-за особенностей своего характера Фет был склонен излишне доверять сторонним «редакторам» своих стихов, «знатокам», вмешательство которых в его тексты было иногда неправомерно большим. Такими «редакторами» поэзии Фета в разное время выступали А.А. Григорьев, И.С. Тургенев, А.В. Дружинин, Н.Н. Страхов, Вл.С. Соловьёв, Я.П. Полонский, Ф.Е. Корш и ряд других лиц. Подчас характер этой «редактуры» установить невозможно. Но даже и в тех слу-

чаях, когда сохранился подлинный фетовский текст, с выявлением основного текста возникают иного рода сложности, ибо, по всем формальным показателям, Фет, казалось бы, «благословил» те варианты, которые были изменены «ценителями» его лирики, но которые по существу уступают тем, что написал сам автор.

Расположение произведений Фета в хронологической последовательности на данном этапе изучения фетовского наследия невозможно. Во-первых, время написания значительной части стихотворений (особенно ранних, автографы которых не сохранились) неизвестно или спорно. Во-вторых, для самого Фета, объединявшего разновременные стихи в циклы или специальные разделы, хронология не была композиционным принципом.

Расположение стихов в виде свода сборников, выпускавшихся поэтом, кажется спорным: его стихотворные книги 1850, 1856 и 1863 гг. включают повторяющиеся стихи (иногда – в разных редакциях); к тому же эти сборники выпускались поэтом часто в силу чисто внешних причин: накопилось достаточное количество новых стихов, распродан предыдущий сборник и т.д. Но и расположение основного корпуса стихов в соответствии с авторским списком, составленным Фетом в конце жизни (предположительно в 1892 г.), – именно так представляется лирическое творчество Фета в научных изданиях последних семи десятилетий – тоже представляется ненадежным: сам фетовский «план 1892 г.» не может

считаться окончательным; всякое же произвольное «улучшение» этого плана (вроде того, что было предпринято Б.В. Никольским в 1901 и 1912 гг.) демонстрирует неправомерность постороннего «вмешательства» и в этот, композиционный, вопрос.

Проблема выделения основного текста стихотворений Фета наиболее четко выявляется при анализе так называемой «тургеневской правки» его поэтических текстов. В январе 1856 г. друзья-литераторы собрались устроить торжественный «подписной обед» в честь Тургенева. «За обедом, в зале какой-то гостиницы, шампанского, а главное – дружеского единомыслия было много, а потому всем было весело. Собеседники не скупились на краткие приветствия, выставившие талант и литературные заслуги Тургенева». Приветствия перемежались тостами и экспромтами. Свой экспромт прочитал Фет, присутствовавший на обеде. Потом слова попросил сам Тургенев и ответил экспромтом:

Все эти похвалы едва ль ко мне придутся,
Но вы одно за мной признать должны:
Я Тютчева заставил расстегнуться
И Фету вычистил штаны.

Фет запомнил этот экспромт и зафиксировал его в своих воспоминаниях, где не однажды возвращался к эпизоду «коллективного» редактирования издания 1856 г., которое предложил ему осуществить дружеский кружок «Современ-

ника» во главе с Тургеневым. Тургенев очень гордился тем, что отредактировал сборники Тютчева и Фета, оценивал это едва ли не как собственную заслугу для развития русской поэзии, но сам Фет в тех же воспоминаниях двусмысленно оценил это предприятие: «Почти каждую неделю, – вспоминал Фет, – стали приходиться ко мне письма с подчеркнутыми стихами и требованиями их исправлений. Там, где я не согласен был с желаемыми исправлениями, я ревностно отстаивал свой текст, но по пословице: “один в поле не воин” – вынужден был согласиться с большинством, и издание из-под редакции Тургенева вышло *настолько же очищенным, насколько и изувеченным*»⁶.

Эта тургеневская «редактура» стихотворений Фета в свое время рассматривалась в ряде специальных работ и оценена в целом отрицательно⁷. При этом Тургенев действительно проделал большую работу по редактированию предыдущее-

---

⁶ Мои воспоминания. 1848–1889. – М., 1890. – Ч. 1. – С. 134–135, 104–105.

⁷ См.: Никольский Ю.А. Материалы по Фету. 1. Исправление Тургеневым фетовских «Стихотворений» 1850 г. // Русская мысль. – 1921. – Кн. 8–9. – С. 211–227. Кн. 10–12. – С. 248–262; *Благой Д.Д.* Из прошлого русской литературы: Тургенев – редактор Фета // Печать и революция. 1923. – Кн. 3. – С. 45–64; *Колпакова Н.П.* Из истории фетовского текста // Поэтика. Кн. 3. Временник Ин-та истории искусства. – М.–Л., 1927. – С. 168–187; *Бухштаб Б.Я.* Судьба литературного наследия А.А. Фета // Литературное наследство. Т. 22–24. – М., 1935. – С. 561–602; *Бухштаб Б.Я.* Творческий труд Фета // Известия АН СССР. Серия литры и яз. 1973. – № 1. – С. 3–14; *Кошелев В.* О «тургеневской правке» поэтических текстов Афанасия Фета // Новое литературное обозрение. – 2001. – № 48. – С. 157–191.

го сборника Фета (1850): 21 совершенно выкинутая строфа, 10 измененных, две прибавленных заново, свыше 50 выброшенных, переработанных, инверсированных строк, восемь измененных заглавий и множество исправленных слов и выражений (подсчеты Н.П. Колпаковой).

Вместе с тем, констатируя необходимость очистки стихотворений Фета «от чуждой позднейшей записи, хотя бы и тургеневской», текстологи опасались «вкусового» произвола при этой операции. Так, Б.Я. Бухштаб, готовивший в серии «Библиотека поэта» известный однотомник Фета 1937 г., говорил о необходимости возвращения к автографам и первопечатным редакциям для установления авторской редакции текста, наиболее удовлетворившей поэта. Но в следующей редакции того же однотомника (вышедшей в 1959 г.) указал, что такой подход к текстам Фета «не обеспечивает вполне объективных результатов», ибо «в выборе неизбежно скажется вкус редактора» – и, таким образом, снял задачу очищения текстов Фета от позднейшей тургеневской правки.

Эта же текстологическая установка была принята в издании «Библиотеки поэта» 1986 г. – последнем научно подготовленном издании фетовских стихов. Е.И. Прохоров не без иронии заметил по поводу текстологических споров по этому поводу: «Таким образом, в течение почти сорока лет совершался и, можно сказать, завершился круг мнений об отношении к редакторским поправкам Тургенева в текстах Фета: началось с отрицания и кончилось принятием их». Этот

известный текстолог на примере тургеневской правки стихов Фета даже сформулировал особенный критерий, определяющий отношение ученого к редакционной правке. Таким критерием «является отношение к ней самого автора: если он одобрил эту правку, у текстолога нет оснований считать ее искажением и исключать из авторского текста. Если же правка не была одобрена автором или она была сделана без его ведома, а тем более – после его смерти, – она должна признаваться самоуправным вмешательством в авторский текст и должна быть снята»⁸.

Формально Фет действительно «одобрил» тургеневскую правку: в 1863 г., при новом издании своих стихотворений, исправленные Тургеневым тексты он напечатал почти без изменений (лишь восстановил две исключенные Тургеневым строфы и одно забракованное стихотворение). А в последующие почти 30 лет жизни не имел возможности возвратиться к изданию ранних стихов: двухтомное собрание 1863 г. так и осталось не распроданным до конца жизни поэта («Вечерние огни» имели подзаголовок: «Собрание *неизданных* стихотворений...»). В предисловии к этому изданию он указывал мотивы, заставившие его согласиться с «очищенными» вариантами: «Не могу при этом не заявить искренней признательности тем друзьям-поэтам, эстетическому вкусу которых я вверил вполне издание 1856 года. Эти друзья могут убедиться, что и в подлежащие два тома вновь вошла всего

---

⁸ Основы текстологии. – М., 1962. – С. 303.

одна пьеса, случайно ими забытая, из прежней моей деятельности, а из последующей и всех переводов включены *только те, которые, хотя и поодиночке, были ими одобрены*».

Признание поэта кажется двусмысленным. Выраженная в нем благодарность «знатокам» выглядит как констатация тактической *необходимости* сохранения в новом издании следов чужого вмешательства, с одной стороны, ставшего своеобразным «подарком» поэту, с другой – поставившего того же поэта перед необходимостью сохранять в своих произведениях следы чуждых эстетических установок. Именно «тургеневское» издание Фета, изданное весьма роскошно (по словам Тургенева, «для того, чтобы лежать на столике всякой прелестной женщины»), сделало его имя чрезвычайно популярным и принесло поэту, в отличие от всех других изданий, литературный доход... Свои же воспоминания, выдержка из которых приведена выше, Фет писал уже на склоне лет, вовсе не озабоченный ни литературной «славой», ни литературным заработком, ни какими-то другими привходящими обстоятельствами. Исходя из точного смысла его высказывания, мы должны констатировать, что эту «тургеневскую» правку собственных стихов он ни в коем случае не «одобрил».

Особенное положение Фета в кружке «Современника» делало его своеобразной полукомической фигурой поэта, которому непременно полагается «вычистить штаны». Именно такой фигурой он предстает, например, в известных мемуа-

рах А.Я. Панаевой, вспоминающей о нем в тоне дамской язвительности: «Фет находился в вдохновенном настроении и почти каждое утро являлся с новым стихотворением, которое читал Некрасову, мне и всем литераторам, кто просил его прочесть». И далее – характеристика «от лица» Тургенева: «Тургенев находил, что Фет так же плодовит, как клопы, и что, должно быть, по голове его проскакал целый эскадрон, от чего и происходит такая бессмыслица в некоторых его стихотворениях». Касаясь интересующего нас эпизода «вычищения штанов», Панаева упоминает о спорах по этому поводу Тургенева с Некрасовым («Некрасов находил ненужным выбрасывать некоторые стихотворения, а Тургенев настаивал») и приводит один из самых «сильных» аргументов Тургенева: «Очень хорошо помню, как Тургенев горячо доказывал Некрасову, что в строфе одного стихотворения: “Не знаю сам, что буду петь – но только песня зреет!” – Фет изобличил свои телячьи мозги»⁹.

Речь идет о классическом стихотворении «Я пришел к тебе с приветом...», о его последней строфе, в которой Фет отражал собственные представления о естественном «механизме» рождения поэтической «песни», о бессознательности, интуитивности подлинного творчества. Тургеневу, наиболее последовательному выразителю позитивистских представлений об этом предмете (вообще характерных для эпохи 1860-х годов), такая позиция казалась не чем иным, как от-

---

⁹ Панаева (Головачева) А.Я. Воспоминания. – М., 1986. – С. 202–203.

ражением «безмыслия» самой творческой личности, что он с удовольствием относил к «телячьим мозгам» Фета. Между тем это стихотворение (напечатанное Тургеневым в 1856 г. без двух последних стрóf) автор восстановил в 1863 г., заявив тем самым об абсолютной осознанности своей «интуитивистской» позиции.

Н.Н. Скатов в свое время отмечал, что правомерность тургеневского редактирования «представляется в высшей степени сомнительной» – и показывал эту «сомнительность» на ряде примеров. Что лучше: «Облаком волнистым / Пыль встает вдали...» или «...прах встает вдали»? У Фета было «прах» – но Тургенев зачеркнул и самостоятельно переменил на более «понятную» «пыль», убрав принципиально значимую для Фета «многозначную и многозначительную» семантику, связанную с понятием «прах» и определяющую композицию всего стихотворения. «Одно слово переводит все стихи в совсем иной план. Прах взмятенный или поднятая пыль дорожная – разница. Я уже не говорю о том, как плоско выглядят стихи за счет повтора: “Пыль встает вдали... не видать в пыли”, как лишаются они глубины и подлинной дали. Стихотворение первоначально так и называлось “Даль”; это название тоже оказалось снято в тургеневской редакции»¹⁰. Исследователь таким образом как бы пе-

---

¹⁰ См.: Скатов Н. Лирика Афанасия Фета (Истоки, метод, эволюция) // Скатов Н. Далекое и близкое: Литературно-критические очерки. – М., 1981. – С. 138–141.

реводит проблему в более широкий план. С одной стороны, по всем текстологическим правилам (принцип «последней авторской воли»!) мы должны сохранять тургеневскую правку. Но «точная» текстология никак не желает в этом случае «сообщаться» с «неточной» поэтикой...

Словом, проблема «Тургенев – редактор Фета» кажется нам еще весьма далекой от своего окончательного решения. Та же Панаева замечает: «У меня сохранился экземпляр стихотворений Фета с пометками и вопросительными знаками, сделанными рукой Тургенева». Возможно, что мемуарист имеет в виду известный экземпляр, перешедший после смерти жены Фета к мужу ее сестры, художнику И.С. Остроухову. «Учитывать» этот экземпляр, впрочем, непросто: он отражает лишь начальный этап «тургеневской» редакции. Приступая к редактированию, Тургенев зачеркнул в этом экземпляре стихотворения, строфы и отдельные слова, которые считал нужным убрать или заменить; Фет тут же, на полях, дал варианты (иногда по несколько – очевидно, на выбор редактора). Но из этих вариантов Тургенев принял только небольшую часть – следы дальнейшей работы в «Остроуховском экземпляре» не отражены.

Между тем исследование его – в сопоставлении с известной тургеневской правкой – представляет не только узко-текстологический интерес (хотя и этот интерес предельно важен, поскольку речь идет о гениальных стихах, часто до сих пор воспроизводимых с явными ошибками). Не случай-

но эпизод вмешательства Тургенева в стихотворения Фета в 1930-е годы пытались истолковывать с «классовых» позиций, как борьбу либерала с консерватором. При этом даже добавляли, что и сам Фет был «не промах», поскольку позднее подобным же образом «отредактировал» тургеневские письма к нему: «Изувечил переписку своего приятеля, отплатил ему сторицею за работу, проделанную Тургеневым над сборником стихотворений 1856 г.»¹¹

Гораздо плодотворнее рассматривать «тургеневскую» «правку» стихотворений Фета как эпизод вмешательства художественной идеологии кружка «Современника» в художественную практику единичного гениального поэта, внутренне противостоявшего этой идеологии. Перед нами – эпизод литературной полемики, не осознанной как «полемика», но, в сущности, полемически отразившей мировосприятие и противоположение несходных «групп», эстетически противостоявших одна другой.

В воспоминаниях о своей юности Фет с особенной любовью и теплотой писал об Аполлоне Григорьеве, эстетическому вкусу, «чуткости и симпатии» которого поэт особенно доверялся. Именно Григорьев помогал Фету составлять и редактировать «Лирический Пантеон» и «Стихотворения» 1850 г. Тургенев был человеком другого мировосприятия – и других художественных установлений: общение с ним

---

¹¹ См.: Бродский Н. Фет – редактор Тургенева // Звенья. Вып. 2. – М.–Л., 1933. – С. 469–479.

Фета, продолжавшееся более 30 лет, постоянно было чреватое «несогласием». Это эстетическое противостояние выразилось опять же нетрадиционно: не в критических выступлениях и не в поэтических манифестах, а в дружественной «помощи» в издании известного лирического сборника. Внешне Фет в этом противостоянии («один в поле не воин») проиграл. Но в «проигрыше» этом он сумел продемонстрировать те потенциальные возможности своего поэтического пути, которые сделали его «чистую» лирику востребованной в XX столетии.

«Поэтическая судьба Фета – исправлять свои произведения по указаниям “пестунов” – настолько постоянна на протяжении всего его творческого пути, что причиной ее может быть только своеобразная потребность его творческой личности. Фет не доверял себе в критической оценке своих произведений, ему были необходимы сторонние указания, и, как для Бальзака творческий акт мог окончиться только на печатных гранках, после нескольких перепечаток редакций, данных в набор, – так для Фета он кончался только после учета реакции первых редакций стихотворений на избранных “ценителей”»¹². Но истоки этого своеобразного ощущения были вовсе не в творческой неуверенности поэта. Не то чтобы он «не доверял себе»; напротив – вполне доверял. Просто он очень рано ощутил, что его критерии творчества как-то уж очень разнятся с восприятием большинства со-

---

¹² Бухштаб Б.Я. Судьба литературного наследия А.А. Фета. – С. 578.

временников – и это большинство считает «неясным» («обвинительный приговор поэта»!) именно то, что, по его разумению, просто и прозрачно. Отсюда и возникала необходимость «проверить» на вкусе «публики» то, что у него получилось. Из «публики» выбирались отдельные, тонко чувствующие поэзию и доброжелательные, «знатоки» – именно потому, что со «знатоками» проще иметь дело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.